

Очеловечить глобализацию

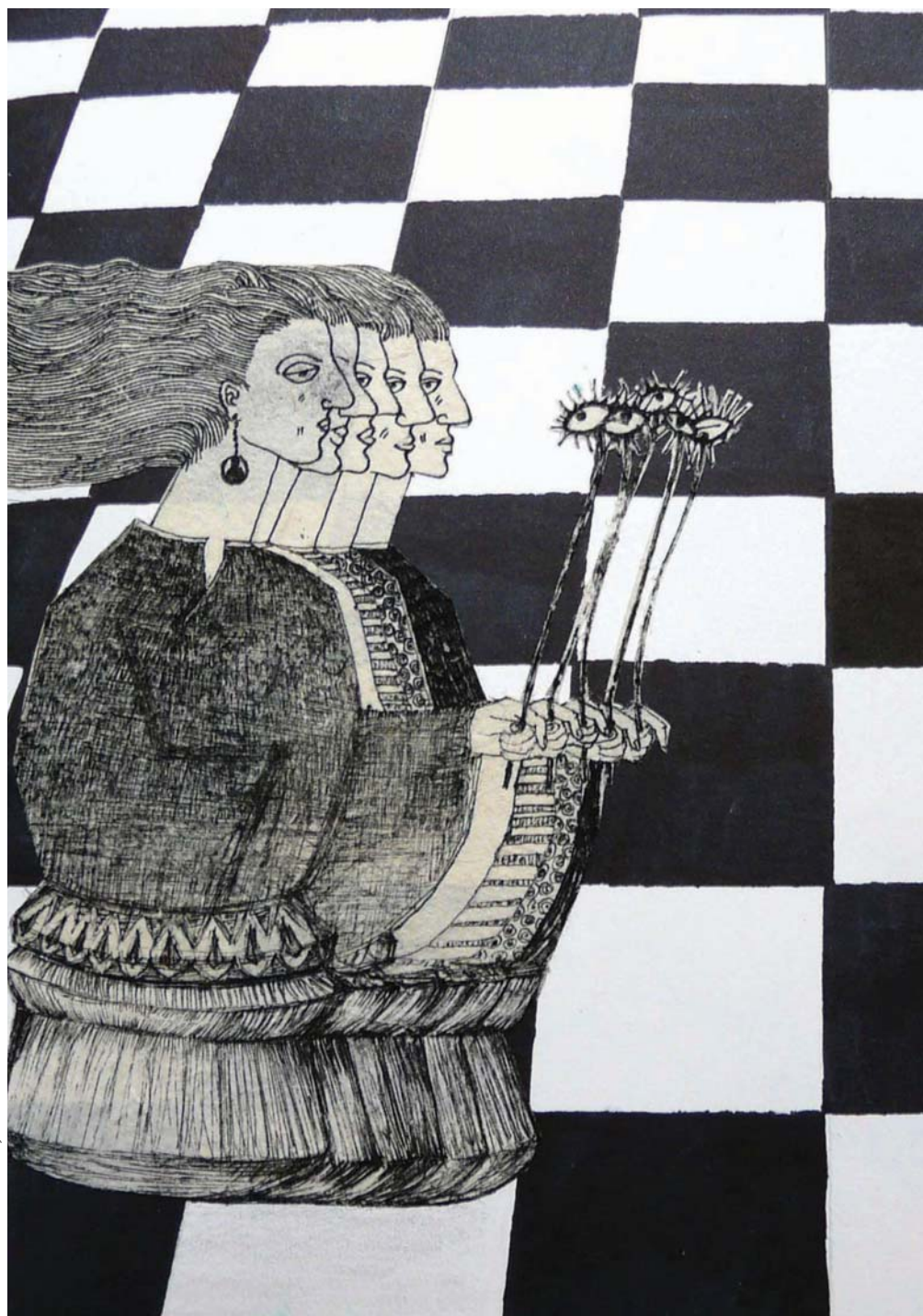
Использовать «силу изобретательности» права, чтобы закрепить юридический гуманизм, многообразный и открытый в таких различных областях, как отстаивание устойчивого мира, борьба с потеплением климата или же управление новыми цифровыми и биомедицинскими технологиями: таково в час триумфального шествия глобализации кредо французского юриста Мирей Делмас-Марти.

МИРЕЙ ДЕЛМАС-МАРТИ отвечает
на вопросы Ясины Шоповой

Как вы считаете, в условиях глобализации правовая система прогрессирует или, напротив, отстает в развитии?

На первый взгляд кажется, что юридический гуманизм укрепляется за счет роста числа юридических инструментов и международных инстанций, призванных контролировать соблюдение прав человека, а также за счет появления гуманитарного права и зарождения уголовного правосудия всемирного призвания. И даже в экономическом плане всеобщий рынок нацелен на создание рабочих мест и повышение благосостояния.

Таким образом, со стороны все выглядит как нельзя лучше... Однако глобализация, как увеличительное стекло, выявляет также большое количество противоречий и поднимает ряд вопросов. Как примирить концепцию безопасности и принцип свободы? Экономические права и защиту окружающей среды? И т.п. Глобализация может даже усугубить ситуацию, в случае разделения, например, уже глобализированных экономических прав и относящихся к ведению отдельных государств социальных прав, которые ослаблены ограничениями, которые навязывают

© Najah Zarbout

➔ Произведение художницы Наджах Зарбут (Тунис). <http://najahzarbout.blogspot.com>

финансовые рынки. Также возникает вопрос, нет ли противоречия между универсальностью, провозглашенной в Декларации прав человека 1948 года и Конвенцией ЮНЕСКО 2005 года об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения, которая определяет культурное разнообразие всеобщего наследия человечества.

Каким образом эти противоречия проявляются в реальности ?

Одно из самых явных противоречий касается миграции. Границы открыты для товаров и капиталов, но закрыты для людей. Кроме того, во многих странах наблюдается тенденция усиления контроля и репрессий, вплоть до того, что между

иммиграцией и преступностью ставится знак равенства. Но ведь навязывая открытые границы для общего рынка, те же самые страны дестабилизируют местные рынки и тем самым вынуждают население к миграции. В итоге, одни и те же действующие лица порождают иммиграцию и одновременно борются с ней.

Кроме того, разграничение экономических и социальных прав сдерживает развитие в пользу экономических и финансовых интересов, не препятствуя обострению убогих условий жизни и социальной изоляции, в случае безработицы или нищеты. Пропасть между самыми высокими и самыми низкими доходами увеличивается с той же скоростью с которой растет благосостояние.

И наконец, эксплуатация природных ресурсов, область, где наибольшую роль играют многонациональные предприятия, лежит в основе растущего числа вооруженных конфликтов во всем мире, в том числе в Африке и Латинской Америке. Поэтому, несмотря на создание Международного уголовного суда (МУС)¹, все еще существуют военные преступления, геноцид, преступления против человечества и агрессия. Конечно, помимо того что МУС начал действовать относительно недавно (2002 год), на то есть причины структурного порядка: например устав МУСа не предусматривает ответственность юридических лиц², и предприятия остаются безнаказанными даже в случае нарушения закона. Протокол ослабляет устрашающую роль МУСа, хотя это и внесено в устав (в отличие от трибуналов ad hoc³, которые рассматривают уже совершенные преступления, в то время как МУС работает в постоянном режиме).

1. Международный уголовный суд, созданный Римской конвенцией 17 июля 1998 г., начал работать в июле 2002 г.. Он является первой постоянно действующей юрисдикцией, призванной судить, как записано в преамбуле, «ответственных за преступления, которые потрясут воображение и входят в глубокое противоречие с человеческим сознанием».
2. Юридическое лицо – это организация (в отличие от физического лица), которая зарегистрирована в установленном законом порядке и на этом основании имеет права и несет обязанности.
3. Международный трибунал по бывшей Югославии (МТБЮ), созданный в 1993 г., и Международный трибунал по Руанде (МТР), созданный в 1994 г.

В чем заключаются противоречия между экономическим правом и правом в области охраны окружающей среды?

Императив развития и конкурентоспособности отвлекает государства от того, чтобы взять на себя обязательства по защите окружающей среды. Как в таком случае защитить планету от негативных последствий климатических изменений, сокращения биоразнообразия или загрязнения воды (см. стр. 34-35)? Если промышленно развитые страны обуславливают свои обязательства аналогичными обязательствами со стороны развивающихся стран, то последние ссылаются на принцип исторической справедливости: поскольку в нынешнем загрязнении планеты виноваты развитые страны, то это они должны приложить основные усилия для защиты окружающей среды. Однако выражение «устойчивое развитие» подразумевает организацию совместной работы экономического права и права в области охраны окружающей среды, и до тех пор пока не будет введено понятие равноправного развития, все совместные усилия ни к чему не приведут.

Можно ли считать, что новые технологии, в корне меняя человеческий быт, еще больше усугубляют этот парадокс ?

Технологии всегда были «новыми». Изменилась лишь скорость внедрения этих инноваций. Так, в области цифровых технологий французское право просто не успевает следовать за их развитием. Лишь только Конституционный совет примет закон, как практики уже меняются и ускользают из-под действия закона!

Информативные технологии могут вносить свой вклад в укрепление демократии, как мы недавно имели возможность наблюдать в некоторых арабских странах. Однако, эти же самые технологии несомненно способствуют установлению информационного контроля над обществом.

Двойственность также явно присутствует в области биотехнологий. С одной стороны, биотехнологии помогают излечивать бесплодие благодаря искусственному оплодотворению и производить отбор эмбрионов путем предварительной диагностики, но с другой, – этот процесс близок к евгенике, которая считается преступлением.

Широкое распространение подобной практики способно сильно сократить шансы генетической лотереи, а значит роль случая и биологическое разнообразие человечества. Отсюда и парадокс: во имя индивидуальной свободы (хозяин сам себе и своему потомству) наше общество на самом деле рискует вызвать искусственное формирование человеческого рода (см. стр. 39-40).

Еще один парадокс: чем больше наша зависимость от цифровых технологий, тем менее самостоятельными мы становимся, хотя и производим автономно работающие приборы. Эти приборы помогают престарелым или больным людям и в целом содействуют социальному благополучию. Однако и в США, и во Франции были запущены новые программы по разработке роботов для замены живых солдат, способных вести «чистую войну» и поражать цель не затрагивая мирное население. В данном случае в программу управления роботов следовало бы ввести этические правила и учесть, что выполнение подобных программ всегда связано с ошибками. Ведь сложный этический выбор настолько тонкое понятие, что его трудно заранее предусмотреть с математической точностью.

Все приведенные примеры говорят о процессе дегуманизации. Какова в таком случае роль права?

У него сложная задача, поскольку в мире, который меняется с невероятной быстротой, нельзя вернуться к прежней статической концепции, определяемой как «юридический гуманизм». Нужно ввести динамику, то есть процесс гуманизации. Вместо того, чтобы утверждать принципы, надо постараться на практике обратить вспять процесс дегуманизации. Только эффективное применение прав человека поможет избежать крайностей политического тоталитаризма, в том числе тоталитаризма рынка в целом и финансового рынка в частности.

Какими возможностями располагает право?

Право не дает ответов ни на одну из озвученных мной здесь проблем. Но ряд некоторых происходящих сегодня юридических процессов отвечает на вопрос о том как гуманизировать глобализацию. Например, построение мирового гражданства - это сложный и медленный процесс, но он отвечает и на вопросы связанные с миграцией,

и на проблемы в сфере охраны окружающей среды. Конечно, мировое гражданство это мечта, существующая с Античных времен в разных уголках земного шара. Так в конце XVIII в. в Германии, Иммануил Кант мечтал о вечном мире между народами⁴, а в конце XIX века об эре Великого единения грезил в Китае Кан Ювэй⁵.

Сегодня, эта «мечта двух К» могла бы постепенно реализоваться. На сегодняшнем примере мы видим, что создание европейского гражданства не исключает национального гражданства, а наоборот старается его дополнить. В общемировом масштабе мы наблюдаем, как Глобальный форум по вопросам миграции и развития⁶ постепенно утверждает всеобъемлющий подход, который пытается внести частицы гуманизма в жесткие экономические соображения. В возможности ратификации конвенции ООН о правах рабочих-мигрантов подписанной еще в 1990 году, можно видеть начало процесса признания некоторых прав, которые являются предвестниками будущего мирового гражданства.

Ведь глядя в будущее, перед лицом глобальных угроз, мы начинаем наконец осознать, что человечество имеет единую участь. Лишь напоминание об истории человечества – которую ЮНЕСКО может помочь написать и распространить – позволит создать межкультурное гражданство: именно межкультурное, а не многокультурное, потому что недостаточно просто противопоставить различные культуры, следует стремиться к более амбициозным вершинам взаимной гуманизации (см. стр. 14-16).

Является ли утопией мечта о мировом правлении, основанном на гуманных принципах?

В наше время, конечно, это всего лишь утопия. Разнородность могущества, которым обладают несколько держав и крупные транснациональные предприятия, делает подобное мировое управление чрезвычайно сложным. Надо добиться того, чтобы в случае нарушения прав человека, ответственность несли все обладатели власти. Для государств подобный процесс начинается работать в рамках Совета

Европы, (на основании Конвенции о сохранении прав человека и фундаментальных свобод и работы Страсбургского суда), а также в Латинской Америке (на основании межамериканской Конвенции о правах человека, которая не ратифицирована Канадой и США) и с недавних пор в Африке, (на основании Африканской хартии о правах человека и народов). За неимением Всемирного суда по правам человека появляются менее строгие механизмы, но они разбросаны, и их число недостаточно.

А что насчет транснациональных предприятий?

Так называемая «социальная» ответственность ограничивается отдельными островками *hard law*⁷ в океане *soft law* (директивные принципы, правила поведения и т.п.). В случае серьезных нарушений, государства, где работают транснациональные компании, в целом не имеют ни средств,

4. В труде 1795 года, Zum Ewigen Frieden (К вечному миру), Кант обобщает споры просветителей о мире и идею федерализма.

5. Кан Ювэй, «Да тун шу» («Книга о Великом Единении»), Datong Shu, trad. L.G Thompson, The one world Philosophy of K'angYu-wei, Londres, 1958.

6. Глобальный форум по вопросам миграции и развития (ГФМР), первое совещание которого прошло в Брюсселе в 2007 году, является платформой для обмена практикой и опытом в целях выработки средств для извлечения преимуществ из международной миграции в интересах развития и сокращения ее негативных последствий.

7. *Hard law* (твердое право) подразумевает традиционную форму закона, *soft law* (мягкое право) – норматив, не имеющий обязательного юридического действия.

ни желания начать процесс, поскольку они озабочены тем, чтобы не потерять рабочие места. Что же касается стран происхождения этих компаний, то они редко обладают нужной компетенцией (да и не желают ею обладать), чтобы преследовать за нарушения, совершенные за пределами их территорий в отношении иностранцев.

В последние годы в связи с транснациональными компаниями ссылались на старый текст закона (*Alien Tort Claims Act*, 1789), позволяющий федеральным властям США преследовать в судебном порядке любого человека, нарушившего права человека за границей или в отношении иностранных граждан. Но редко кто-либо, когда-либо бывал осужден благодаря этому закону.

Кроме того, я не приветствую принцип «всеобщей компетенции» если он дает сверхдержавам полномочия мирового судьи. За неимением Всемирного суда нам скорее всего необходима международная конвенция, которая в случае нарушения прав человека со стороны транснациональных компаний, предоставит стране ее происхождения нужные полномочия для судебного процесса. Если же эта страна откажется вести дело, то нужно предоставить стране, где работает компания, средства (персонал, логистику) для того, чтобы она провела судебное разбирательство.

А можно ли обратиться в Международный уголовный суд?

Даже если распространить компетенцию Международного суда на юридические лица, то

транснациональные компании можно будет преследовать лишь за самые серьезные преступления: геноцид, преступления против человечности, военные преступления... Однако Суд может судить действующего главу государства, что само по себе уже является политической и юридической революцией. К сожалению, не имея в своем распоряжении полиции, Суд не имеет средств для выдачи ордеров на арест. Сейчас он безрезультатно обращается к сотрудничеству государств, а также к силам ООН и НАТО. Эта проблема взаимосвязи между правосудием и силовыми структурами еще ожидает своего разрешения в мировом масштабе.

А взаимодействие между правом и миром?

Обычно считается, что не может быть устойчивого мира, если предварительно не было совершено правосудие. Однако такие примеры, как работа Южноафриканской комиссии «Правда и примирение», доказывают, что мир возможно установить и без осуждения всех преступников, но осуждения лишь тех, кто отказался признать свою вину. В этом плане западному миру есть чему поучиться у Африки, чтобы избежать того, что я называю «юридическим фундаментализмом», то есть, как в религии, консервативности и отказа от новых интерпретаций. Требование правосудия должно идти в ногу с потребностью спокойствия и мира. И отказ терпеть безнаказанность не должен превратиться в некий абсолютизм.

Каково ваше мнение по вопросу о нашей ответственности в отношении будущих поколений, которая уже внесена во французскую Хартию об охране окружающей среды?

Референции к будущим поколениям действительно постепенно вводятся в тексты, в том числе и в этот текст, который имеет конституционную силу. На практике, однако, надо иметь богатое воображение, чтобы внести будущие поколения в юридические категории. Кто может представлять их интересы? За что и на протяжении какого времени мы несем ответственность? Как возместить убытки тем, кто еще не родился? И т.п.

Со своей стороны, я не решаюсь говорить о «правах» будущих поколений или же о «правах» природы и животных, потому что в данном случае ответный диалог невозможен. Однако, будучи ответственными существами, люди несомненно имеют обязанности в отношении своих будущих потомков, а также всех живых существ и растений.

При этом надо соблюдать осторожность, поскольку долгое время «обязанностями человека» оперировали те, кто легитимизировал арбитраж государства, а понятие «права человека», если оно противостоит государству, позволяет возводить преграды на пути злоупотреблений власти, оспаривать правоту или неправоту государства. Напротив, в односторонних отношениях следует также признавать и обязанности. Надо лишь найти необходимое равновесие, поскольку наши обязанности в отношении будущих поколений не должны отрицать прав поколений нынешних.

И настоящее и будущее поколения должны быть в состоянии противопоставить угрозам исходящим от технологических инноваций. Вы уже упоминали эти угрозы среди тех проблем, которые должен разрешить современный гуманизм.

Мы не можем запретить все технологические инновации. Это было бы абсурдом, поскольку именно благодаря развитию и глобализации этих технологий сам человек во все времена становился более гуманным (см. стр. 32-33). Он распространил по

«Границы открыты для товаров и капитала, но закрыты для человека», считает Мирей Дельмас-Марти. Эту мысль отразил в своем произведении «Кульминация нового мира» камерунский художник Бартелеми Тогуо.

© Laurent Goldstein/La Collection

© Emmanuelle Marchadour/Le Seuil

Портрет Мирей Дельмас-Марты работы Эмманюэль Маршадур

миру колесо, затем тачку, затем компас и т.д. Однако даже если инновации неизбежны, не следует считать что все возможное дозволено. То есть, необходимо адаптировать юридические ответы технологическим инновациям.

Кроме того, надо реструктурировать отношения между учеными и политиками, между знанием и властью, поскольку и здесь есть проблемы в плане всемирного управления. Государства отстаивают национальные интересы, предприятия – частные интересы, и кроме международных организаций, располагающих хоть какими-то средствами, никто не уполномочен защищать всеобщий интерес. Эксперты пытаются заполнить эту брешь. В принципе, у них нет никаких официальных полномочий, но на практике они часто играют главную роль во всем что касается научных инноваций и их применения. К сожалению, пока еще не существует всемирного статуса экспертизы, однако разрозненные постановления уже начинают гарантировать независимость и непредвзятость экспертов и пытаются избежать конфликта интересов.

Однако не достаточно адаптировать закон к практике, порожденной новыми технологиями, и пытаться избежать будущих проблем...

Естественно. Нужно также учитывать амбивалентность. Технологии порождают негуманные явления, например возникновение подконтрольного общества или же форматирование видов, и этому следует противостоять, чтобы не

потерять достижения гуманизма под предлогом, что глобализация может стереть историю отдельных народов.

Каковыми являются составляющие сообщества гуманистических ценностей?

Это нельзя определить заранее. Составляющие постепенно проявляются в процессе взаимной гуманизации, на перекрестке культур. Даже понятие человеческого достоинства, которое мы считаем уже устоявшимся, следует закрепить; в частности это касается статуса женщин в обществе.

Тем не менее, череда преступлений против человечества или запрет пыток, бесчеловечного обращения и телесных повреждений – уже дает очертания таких общих для всего человечества составляющих, как специфичность каждого человеческого индивида и его равноправная принадлежность к сообществу людей. А угрозы, создаваемые новыми технологиями, наводят на мысль о третьей составляющей – неопределенности. Человек не может быть определен заранее, это часть его свободы и основа его ответственности.

Опираясь на эти три составляющие, правосудие наконец сможет сыграть свою истинную роль: противостоять, наложить обязательства, предвидеть. Противостоять дегуманизации, наложить обязательства на обладателей глобальной власти, предвидеть возможные угрозы. Во всем этом можно видеть инструмент нового гуманизма, который не будет зафиксирован как догма, но задуман для растущей гуманизации судебной практики. ■

Мирей Делмас-Марты (Франция), в 2007 г. была избрана членом Академии моральных и политических наук. С 2002 г. она возглавляет кафедру «Сравнительных юридических исследований и интернационализации права» в Колледже Франции. Ее курс «Смысл и нонсенс юридического гуманизма» анализирует актуальный вопрос о гуманизации правовых систем. Она автор многотомного труда «Изобретательные силы права» (Les forces imaginantes du droit), куда входят «Относительное и универсальное», «Упорядоченный плюрализм», «Перестройка власти»; последний том «Смысл и нонсенс юридического плюрализма» выйдет в свет в 2012 г.

Понятие гуманизма находится в постоянной эволюции, сопровождая научные открытия и политические изменения. Эпоха информационных технологий во много преумножает шансы появления гибридных культур, прихода демократии и рождения универсального гуманизма.

МИЛАД ДУЭЙИ

Всемирный характер коммуникационных структур и того, что мы называем информационным обществом, вынуждает антрополога переосмыслить, хотя бы частично, концепции и базовые категории его работы: формы обмена и способы установления социальных связей.

Французский антрополог Клод Леви-Строс [1908-2009], считал, что антропология не просто гуманистическая дисциплина, но бы итог всех гуманистических представлений, повлиявших на историю и развитие западных сообществ. Уже в 1956 году в документе, написанном для ЮНЕСКО¹, он дал определение трем видам гуманизма, которые подвели итог его анализу соотношения между точными и социальными науками. Первый вид - это гуманизм эпохи Возрождения, основанный на текстах классической Античности; второй - экзотический гуманизм, связанный с познанием культур Ближнего и Дальнего Востока; и наконец демократический гуманизм - гуманизм антропологии, который рассматривает весь комплекс деятельности сообществ людей.

Отметим, что все вышеперечисленные виды гуманизма связаны с находкой «текстов, устных традиций и культурных самовыражений», которые открыли новые области для изучения и сделали возможным развитие новых методов критики и, в следствии этого, новых знаний. В случае гуманизма Возрождения, знание греческого и латинского языков, исторические знания и внутренняя критика подорвали авторитет такой мощной структуры, как Церковь. Если говорить об экзотическом гуманизме,